

М ДРЕВНОСТЬ

И
С
С
Л
Е
Д
О
В
А
Н
И
Я

М.Н. КИРИЛЛОВА

ОБРАЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДРЕВНОСТИ

ОТ МИФА К НАУКЕ

Эпохи. Древность. Исследования

Мария Кириллова

**Образ отечественной
древности: от мифа к науке**

«АЛЬМА МАТЕР»

2025

УДК 930
ББК 63.1(2)

Кириллова М. Н.

Образ отечественной древности: от мифа к науке /
М. Н. Кириллова — «АЛЬМА МАТЕР», 2025 — (Эпохи.
Древность. Исследования)

ISBN 978-5-00264-049-2

Книга посвящена тому, как в отечественную историю была встроена «отечественная древность» - сюжеты из истории древнего мира, местом действия которых была территория России/СССР. Традиция включать «древнейшие времена» в отечественную историю восходит к доначальной эпохе, когда апелляция к античной и библейской истории была основным способом самопрезентации. В исследовании показано, как «древнейшая история», пережив Средневековье и Новое время, была интегрирована в советскую историческую традицию, которой во многом наследуют и современные учебники истории. Книга предназначена для студентов, преподавателей и всех интересующихся историей науки, историей России и древности. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 930
ББК 63.1(2)

ISBN 978-5-00264-049-2

© Кириллова М. Н., 2025
© АЛЬМА МАТЕР, 2025

Содержание

Введение	6
I. Дореволюционные и раннесоветские древности	12
Глава 1. Откуда есть пошла «древнейшая история»?	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мария Кириллова

Образ отечественной древности. От мифа к науке

DOI: 10.63952/4112.2025.71.91.001

Рецензенты: д.и.н. И. А. Ладынин (МГУ), к.и.н. О. В. Метель (РГГУ).

Отв. редактор: к.и.н. Е. В. Ляпустина.

В оформлении обложки использовано: Навершие золотого гребня из кургана Солоха
(IV в. до н. э.)

© М. Н. Кириллова, 2025

© Издательская группа «Альма Матер», оригинал-макет, оформление, 2025

* * *

Введение

*«История – это область, в которой никогда нельзя начать с самого начала»
(Я. Буркхард)¹*

*«Что было в начале истории? – Древний мир!»²
«Александр Македонский побывал в пределах нашего Союза»
(из лекций Ю. В. Готье)³*

В период древнего мира на территории нашей страны существовали как островки античной цивилизации, например, греческие колонии Северного Причерноморья, так и местные культуры. Связаны ли эти сюжеты с историей России? Если мы обратимся к современным учебным пособиям и обобщающим трудам, то увидим, что общепринятого ответа на этот вопрос в историографии не существует. Так, изложение российской истории часто начинают с описания более позднего времени, сосредоточиваясь на этногенезе восточных славян (сюжете, который значительно проще связать с последующим образованием Древнерусского государства) и не углубляясь в рассказы о скифах и греческих полисах⁴. В то же время есть и другое решение этого вопроса: в учебниках можно встретить главы и разделы «Народы и древнейшие государства на территории нашей страны»⁵, «Древнейший период в истории нашей страны»⁶, «Древнейшие народы на территории России»⁷. Эти разделы, как правило, посвящены дославянскому населению территорий России и включают сюжеты из истории древности.

Такой подход наследует традиции, заложенной в 1930-е гг. В это время формировалась новая концепция отечественной и всемирной истории. Она была основана на марксистских идеях и отвечала актуальным идеологическим потребностям; ее планировалось отразить в научно-популярных изданиях – многотомниках «Всемирная история» и «История СССР», а также в «стабильных» учебниках для вузов и школ, подготовленных сотрудниками Института истории АН СССР. В наши дни изучение вышеописанных процессов позволило отойти от упрощенных представлений о них, выявить сложность взаимодействия научного сообщества и власти, пестроту научных поисков 1920-х – начала 1930-х гг. и вклад отдельных, порою забытых исследователей.

Наше внимание привлекла та роль, которую в рамках концепции истории СССР играл ее начальный период – протяженный по времени и содержательно разнообразный. Так, первым томом в многотомной «Истории СССР» должен был стать том, посвященный «Истории СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства», первая часть учебника для вузов называлась «История СССР с древнейших времен до конца XVIII века». В программе лекций этот период попросту обозначен «Древнейшая история СССР»⁸. Основным сюжетом «древнейшей истории» были греческие полисы Причерноморья, их кочевое окружение (в особенности скифы), государство Урарту, сюжеты древней истории Средней Азии.

¹ Цит. по: Гаспаров 2023: 153.

² Из традиционного новогоднего «фольклора» кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ.

³ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 28. Л. 14 об.

⁴ См., например, Данилевский, Земцов, Шубин 2013.

⁵ Орлов и др. 2006: 7.

⁶ Милов 2007: 12.

⁷ Флоря 2010: 13.

⁸ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. 85. Л. 1.

Если мы зададимся вопросом, откуда в вышеуказанных контекстах появляется прилагательное «древнейший», то нам придется обратиться не просто к дореволюционной историографии, но к совсем ранним этапам развития исторической мысли. Наличие «древнейших времен» отличает именно историографию отечественной истории, ведь в периодизации всеобщей истории нет «древнейшей» – есть древняя. Указание на «древнейший период» формирует представление о неких «стародавних временах», которые выступают, однако, как нечто единое. В ходе развития историографии отечественной истории в «древнейшие времена» с разными целями включались те или иные сюжеты: так, если до революции акцент делался на античных древностях Причерноморья, то в 1930-е гг. в «древнейшие времена», во-первых, были вписаны древности Закавказья и Средней Азии, а во-вторых, рассказ об этих сюжетах приобрел другие цели и тональность, которые отвечали идеологическим запросам, свойственным тому времени.

Таким образом, данная книга стремится ответить на вопрос о причинах и целях появления «древнейшей истории» в общих работах по истории России и СССР. В центре повествования будут находиться историографические поиски 1930-х гг., не в последнюю очередь в силу их значения для последующего развития отечественной науки. Мы попытаемся выяснить, откуда происходит представление о неких «древнейших временах», какие подходы к их освещению сложились в дореволюционной и раннесоветской историографии, в каких обстоятельствах в 1930-е гг. они были включены в историю СССР, кем и с каких методологических позиций они изучались, с какими сложностями сталкивались авторы, которые формировали из этих разнообразных сюжетов некое смысловое единство, и, в конце концов, каким получился образ отечественной древности и справился ли он с возложенными на него ожиданиями.

В этой книге мы не претендуем на всестороннее освещение истории изучения отечественной древности, поскольку, во-первых, на современном этапе связанными с ней проблемами занимается ряд дисциплин, каждая из которых имеет собственную историю, а во-вторых, потому что эти истории уже во многом исследовались⁹. К изучению сюжетов «древнейшей истории» обращались и обращаются археологи и историки древности; среди последних и антиковеды, и историки Древнего Востока (во всем многообразии, которое скрывает понятие «Восток»¹⁰). С этими проблемами связаны этнология и лингвистика, а также славяноведение – точнее, его разделы, посвященные этногенезу славян. Однако история всех этих наук будет интересовать нас в той степени, в которой они влияли на образ отечественной древности, формируемый в историографии. Мы пользуемся понятием «образ» вслед за С. Б. Крихом, который определил его как «структурированное представление об исторической эпохе, соотнесенное с индивидуальным и общественным мировоззрением»¹¹. Мы исходим из того, что творцами истории (как исторической науки) являются историки, те самые «носители индивидуального и общественного мировоззрения». Несмотря на стремление к объективности, им свойственна вовлеченность в предмет изучения, которая обусловлена в том числе их принадлежностью к разным социальным и этническим группам. Поэтому в этой книге много внимания будет уде-

⁹ В первую очередь следует сказать о многочисленных работах, посвященных разным этапам истории отечественной археологии. В их числе не только статьи с публикациями архивных источников, но и обобщающие работы с авторскими взглядами на значение отдельных этапов истории археологической мысли (Тункина 2002б; Формозов 2006; Платонова 2010; Клейн 2014). Для антиковедения такой очерк оставил Э. Д. Фролов (Фролов 1999). Оригинальный подход к историографии истории древности в советское время был предложен в работах С. Б. Криха и его учеников (Крих 2013; 2014; 2015; 2017; 2019; Крих, Метель 2018). Изучение «советской древности» в наши дни представляет собой самостоятельное направление, для которого важное значение имеет научная и организационная деятельность С. Г. Карпюка, объединившего в рамках одноименных конференций и изданий свои усилия с результатами исследователей Москвы, Омска и других городов (Карпюк 2021; 2022; 2024). Историография отечественной истории – обширнейшая тема, и применительно к раннесоветскому периоду, который интересует нас в наибольшей степени, не можем не указать на уже ставшую классической монографию А. М. Дубровского (Дубровский 2005), а также недавнюю работу В. В. Тихонова (Тихонов 2024в), в которой удачно суммируются поиски историографии последних лет.

¹⁰ О понятии «Древний Восток» в отечественной науке XX в. см. Ладынин 2019.

¹¹ Крих 2013: 12.

лено отдельным исследователям, деталям их биографии, интеллектуальной среде, в которой они формировались, условиям и обстоятельствам их работы над темой. Представляется, что этот аспект особенно важен, поскольку в 1930-е гг. в рамках крупных проектов между собой сотрудничали представители нескольких поколений историков¹², методологические установки которых различались не в последнюю очередь ввиду их жизненных обстоятельств.

Поскольку представления о связях древней истории и последующих периодов нередко изучают в контексте этногенетических мифов¹³, мы также хотели бы подчеркнуть, чем отличается предмет нашего исследования и подход к его изучению. Этногенетические мифы обосновывают происхождение тех или иных современных народов от древних (обычно они игнорируют построения современной науки). Они рождаются в поисках самоидентификации – как правило, чтобы компенсировать какие-то сложные обстоятельства настоящего, сконструировав образ «золотого века», который некогда пережило то или иное сообщество. Деконструкция таких мифов сопряжена с утверждением, что определенные построения о прошлом являются необоснованными с точки зрения современной науки, но адепты мифа в их истинность *верят*.

Подобные построения, основанные на вере или на неотрефлексированных убеждениях, встречаются и в работах историков. И. М. Дьяконов отмечал, что «мифотворчество проникает и в самую науку, способствуя созданию непроверенных или не поддающихся проверке лженаучных теорий», называя такие мифы «третичными». По его наблюдению, «сфера непознанного все сужается, но трудность в том, что познанное учеными настолько обильно и сложно, что их аргументы и выводы трудно довести до понимания масс, и потому относительное невежество неспециалистов не всегда уменьшается с ходом развития науки»¹⁴. Мы рассматриваем место отечественных древностей не в этногенетических мифах, а в концепциях отечественной истории, создание которых преследовало другие цели. Отечественной истории свойственна сильная национально-государственная традиция, и «древнейшая история» играет в ней более многообразную роль, чем в случаях истории отдельных этносов. Однако в некоторых случаях этногенетические мифы будут влиять на освещение «древнейших времен», и здесь мы хотели бы дополнить размышления И. М. Дьяконова о том, почему это происходит. Научное мифотворчество создает непроверенные или не поддающиеся проверке теории; однако насколько это сознательный процесс? Многие глобальные историко-культурные явления не до конца отрефлексированы исследователями до сих пор (и едва ли процесс их осмысления когда-нибудь закончится), и еще сложнее обстояло дело в довоенной науке. Что же касается древней истории как таковой, то некоторые наши представления о древности появились на заре рождения науки – в эпоху раннего Нового времени, когда исторические построения были отмечены более существенным влиянием тех же этногенетических мифов, активно формировавшихся в то время в Европе. Зачастую устаревшие идеи, полученные в наследство от предыдущих поколений, продолжают существовать где-то на окраине научного знания, иногда «цепляя» отдельных ученых, специалистов в смежных областях и т. д. Понять, какие традиции в освещении «древнейшей истории» сформировались в отечественной историографии к 1930-м гг., как они были учтены и почему – основная цель этой книги. Мы будем анализировать их, опираясь не только на современные научные представления, но и учитывая, каков был уровень развития гуманитарных дисциплин в момент появления интересующих нас концепций.

Что касается верхней хронологической границы, то наше желание ограничить работу 1930-ми гг. может показаться странным, ведь после войны история народов СССР в древности обогатилась новыми источниками: свет увидели работы Б. Б. Пиотровского, посвящен-

¹² О проблеме поколений советских историков см. Сидорова 2005: 2008.

¹³ Эти исследования чаще всего посвящены раннему Новому времени – эпохе расцвета этногенетических мифов (например, Мыльников 1999 и другие процитированные далее работы), однако они рассматриваются и в более широком контексте с точки зрения их влияния на современное общество (Шнирельман 2015; 2024).

¹⁴ Дьяконов 1977: 32.

ные истории Урарту, «Древний Хорезм» С. П. Толстова, на новый уровень поднялось изучение Северного Причерноморья и истории Восточной Европы в древности в целом и т. д. В то же время, несмотря на обогащение науки новыми результатами, все схемы к тому моменту уже были придуманы и в известной степени воплощены в жизнь, и настолько же интенсивная совместная работа историков разных специальностей, когда успехи одних были обусловлены результатами работы других, уже не повторится. Именно поэтому в рамках отечественной истории и продолжили функционировать некоторые сюжеты, позднее пересмотренные историками древности вследствие собственно научного изучения «древнейшей истории». Кроме того, 1930-е гг. – время «остаточного» классицизма, когда еще было активно поколение (и ученых, и управленцев), получившее образование до революции. Их степень знакомства с античной историей и литературой была сравнительно высокой, и древность действительно могла восприниматься как нечто культурно близкое¹⁵.

В основу этой книги легли статьи, написанные, по большей части, в ходе работы над двумя грантами по истории науки под руководством М. Д. Бухарина¹⁶. Первоначально наше внимание привлекла судьба интерпретации декрета в честь Диофанта, предложенной С. А. Жебёлевым. В антиковедении ее принято рассматривать как один из эпизодов поиска историками древности «революции рабов», тогда как для историков СССР восстание Савмака, открытое Жебелёвым, имело и другое значение. Как часть истории СССР, это восстание «проживало» свою жизнь, далекую от глаз антиковедов, и этот аспект, вероятно, особенно заинтересовал нас в силу уже многолетнего (с 2015 г.) опыта преподавания истории России. Так, хотя историки древности начали отказываться от трактовки Жебелёва уже во второй половине 1940-х гг., в пособиях по российской истории «восстание Савмака» можно было встретить вплоть до недавнего времени. Жебелёв изначально позиционировал свое открытие как эпизод, связанный с историей СССР, поскольку на тот момент исследования истории народов СССР в древности оценивались как важное научное направление, полезное для формирования новой исторической концепции.

Позже были опубликованы статьи, посвященные месту «древнейшей истории СССР» в работах исследователей разных специальностей, в проектах учебников и научно-популярных изданий, а также ее значению как одного из направлений деятельности журнала «Вестник древней истории»; для этой книги все эти материалы были частично дополнены и обработаны для их более системного восприятия. Упор был сделан на изучение на основании архивных материалов (в особенности Архива РАН) работы сотрудников Института истории АН СССР, поскольку именно они были задействованы в подготовке проектов, значимых для конца 1930-х гг. Именно поэтому в меньшей степени нас интересовала региональная историография, в том числе историография республик СССР, на формирование «общесоюзной» истории они едва ли оказывали влияние, поскольку все крупные проекты готовились в Москве и Ленинграде силами местных ученых. К тому же история становления «республиканской» историографии – это самостоятельная тема, нуждающаяся в комплексной разработке.

Хотя изученные нами сюжеты позволяли составить впечатление о судьбе «древнейшей истории» в советской историографии, им не хватало более широкого контекста. По меньшей мере необходимо было ответить на следующие вопросы: когда «древнейшие времена» впервые появились в отечественной истории? Какую функцию они имели в дореволюционной историографии? Какие исторические сюжеты включались в них? Эти разделы, составившие первую главу, были написаны специально для данного издания, и, с нашей точки зрения, без них впечатление об обращении к «древнейшей истории СССР» было бы неполным.

¹⁵ Карпюк 2017: 771.

¹⁶ Кириллова 2021а, 2021б, 2021в; 2022а, 2022б, 2023а, 2023б, 2024.

Книга состоит из трех частей: первая посвящена предыстории и обстоятельствам появления «древнейшей истории СССР» в исторической науке 1930-х гг., вторая – изучению этой тематики отдельными исследователями в раннесоветский период, третья – ее месту в научных, научно-популярных и учебных изданиях. В первой части мы сосредоточились на наиболее значимых аспектах осмысления отечественной древности, и подбор сюжетов в ней продиктован содержанием оставшихся двух частей: она необходима прежде всего для правильной интерпретации процессов, происходивших в 1930-е гг. В главе 1 мы постарались ответить на вопрос, откуда в периодизации отечественной истории появляются «древнейшие времена». Мы постарались проследить эволюцию сюжетов истории древности от истоков русского историописания до становления истории как науки. Глава 2 посвящена тем результатам, которые были получены при изучении отечественной древности отдельными гуманитарными дисциплинами, а также тем стратегиям, которые были сформированы для освещения этих проблем в отечественной историографии. Упор был сделан в первую очередь на анализ научного творчества тех исследователей и их работ, к которым будут обращаться историки в 1930-е гг. Глава 3 характеризует переходный период 1920-х гг., в который сохраняли свою актуальность дореволюционные традиции и формировались новые подходы. Некоторые из рассматриваемых в ней сюжетов не связаны непосредственно с историей науки, но важны с культурно-исторической точки зрения: так, учитывая место, которое в историографии 1930-х гг. займет восстание Савмака, нельзя было не остановиться на «скифстве» конца 1910-х гг. и не уточнить корни «революционности» этого образа. Главы второй части посвящены исследователям разных поколений и специальностей, каждый из которых сыграл важную роль в формировании «древнейшей истории СССР». В первую очередь это Ю. В. Готье (глава 4), историк России, которому в силу обстоятельств пришлось переориентироваться на реконструкцию древнейшей истории Восточной Европы. Глава 5 посвящена открытию С. А. Жебелёвым «восстания Савмака» – несомненно, самому знаковому событию для формирования «древнейшей истории СССР». В главе 6 рассказывается, как «новое учение о языке» использовалось при характеристике дофеодального этапа советской истории и установлении связей между ним и феодальной Древней Русью. Что касается третьей части, то в ней нам хотелось показать, какое значение «древнейшая история» приобретала в изданиях разных направлений: чем «древнейшая история народов СССР» смогла и не смогла стать в мире историков древности (глава 7, посвященная «Вестнику древней истории»), как эти сюжеты были объединены в многотомной «Истории СССР», без подготовки которой была бы невозможна их последующая интеграция в учебники, прежде всего в учебник для вузов (глава 8). Непосредственно учебнику для вузов посвящена глава 9.

В двух случаях в качестве приложений к главам мы приводим публикации документов. Во-первых, это автобиографическая записка Жебелёва об обстоятельствах, в которых им была задумана статья о восстании Савмака: этот источник интересен и с точки зрения реконструкции этих обстоятельств, и с точки зрения акцентов, которые расставляет в этой истории сам Жебелёв. Во-вторых, это отзыв и стенограмма обсуждения выпусков журнала «Вестник древней истории» за 1939 г. Эти документы показывают, что, несмотря на идеологическую «правильность» изучения «древнейшей истории народов СССР», в рамках истории древности этот сюжет часто воспринимался как маргинальный. Для этих источников мы приводим примечания, в том числе касающиеся тех лиц, о которых шла речь в основном тексте работы: это дает нам возможность сказать о них чуть больше, чем того требовала логика изложения основной части. В заключении мы приводим наши наблюдения о том, каким в итоге получился образ отечественной древности в 1930-е гг. и оправдал ли он возложенные на него надежды.

Выбранная нами проблематика до сих пор не становилась предметом специального исследования, и оно бы не состоялось без выраженного интереса, помощи и поддержки моих коллег, друзей и семьи, которым хотелось бы выразить свою искреннюю благодарность. Я бы не

увлеклась историей древнего мира без влияния И. А. Гвоздевой. И. А. Ладынин в свое время сподвиг меня на многое, в том числе на занятия историей науки и не в малой степени – на написание этой книги. Схожие слова я могу сказать о С. Г. Карпюке, которому я благодарна за ценные советы в ходе работы и постоянную поддержку. Без грантовых проектов М. Д. Бухарина я, наверное, никогда бы не вышла на эту тему; кроме того, несмотря на обычную для академика РАН занятость, М. Д. дважды ознакомился с этим текстом, и его замечания и предложения в целом повлияли на итоговый вид текста. За проявленный интерес к моей теме и плодотворные обсуждения как книги, так и промежуточных результатов моих исследований я благодарю друзей и коллег – О. В. Метель, А. М. Скворцова, А. И. Ключева, С. В. Смирнова, Е. В. Ляпустину, Е. И. Соломатину, Л. Г. Елисееву, М. С. Апенко, А. А. Немировского, Е. Е. Антонова, А. О. Крылова, Д. В. Лобача, П. Ю. Князева, а также в целом коллективы отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН и кафедры истории МГТУ им. Н. Э. Баумана.

Интерес к истории сформировался у меня под влиянием семьи, в особенности рассказов прабабушки, Прасковьи Семеновны Подтетеневой (1910–1999), и дедушки, Николая Дмитриевича Рыжикова (1928–2005); их памяти я хотела бы посвятить эту книгу. Без Светланы Павловны и Тамары Николаевны Рыжиковых, моих бабушки и мамы, этот интерес едва ли бы реализовался в нынешнем виде; благодарю их за постоянную поддержку во всех моих начинаниях. Сергей Коваль принимал в моей работе самое деятельное участие, постоянно обсуждая, читая и редактируя, проявив себя как настоящий «соавтор» в науке и по жизни.

Разумеется, за все возможные ошибки и иные несовершенства этой книги несет ответственность только ее автор.

I. Дореволюционные и раннесоветские древности

Глава 1. Откуда есть пошла «древнейшая история»?

Разговор о написании «древнейшей истории» следует начать с того, как «древнейшие времена» появились в повествованиях, посвященных отечественной истории. Как уже отмечалось во введении, изучение сюжетов «древнейшей истории» в современной науке относится к разным дисциплинам, однако сама формулировка отсылает к отечественной истории. История СССР не могла не заимствовать у истории России нарративные стратегии и отдельные сюжеты, к числу которых и относятся «древнейшие времена». Поиск точки отсчета, с которой в русской истории появились «древнейшие времена», ведет к истокам российского историописания. В этой главе будет предпринят довольно краткий обзор истории «древнейших времен» в отечественной историографии.

С античной историей в Древней Руси знакомятся по мере распространения письменности и христианства. Интерес к античной культуре не стоит переоценивать, поскольку это была культура языческая, «нечестивая», тем не менее ее элементы регулярно проникали на Русь вместе с византийским культурным влиянием¹⁷. В частности, о событиях античной истории можно было узнать из византийских хроник¹⁸, а также и других переводных сочинений. Эти материалы использовались для составления хронографов, принципы изложения в которых также были ориентированы на византийские образцы¹⁹. Не углубляясь в проблему жанров древнерусских историографических сочинений, поясним, что по типу повествования в них можно выделить сочинения хронографического типа, нацеленные на рассмотрение преимущественно мировой истории, т. е. последовательно библейской, древней и византийской, палейные, ориентированные именно на библейскую историю, а также сочинения летописного типа, которые предполагали погодное изложение событий истории древнерусской²⁰. Несмотря на эти различия текстов разных жанров, в целом средневековому христианскому историописанию, в том числе древнерусскому, была свойственна «наднациональность», универсализм²¹, причем представление о единстве исторического процесса не противоречило появлению локальных историй. Всемирная и локальная история не были изолированы друг от друга: «с точки зрения средневекового историографа, история была одна, и она была всемирной», и даже самое провинциальное историческое сочинение расценивалось как часть мировой истории²². Хронографические сочинения, как правило, доходят до крещения Владимиром Руси²³, а первая русская летопись «Повесть временных лет», как известно, начинается с Ноя и его детей.

Новые требования к исторической литературе появляются в раннее Новое время. Их обусловило образование централизованных государств, начало формирования современных наций и, как следствие, потребность в создании идеологических конструкций, которые бы обосновывали их существование²⁴. Эти изменения происходят на фоне культурных инноваций эпохи Ренессанса; среди них – издание сочинений античных авторов, развитие филологической

¹⁷ Буланин 1991: 23.

¹⁸ Фролов 1999: 15.

¹⁹ Буланин 1991: 35.

²⁰ Водолазкин 2008: 22–27.

²¹ Репина, Зверева, Парамонова 2004: 87–88.

²² Водолазкин 2008: 15.

²³ Водолазкин 2008: 40–41.

²⁴ Доронин 2018: 55.

критики, как следствие, распространение сведений об античной истории, а также постепенная секуляризация историописания²⁵. Античную литературу издавали, читали и переводили, поэтому неудивительно, что при слабом развитии археологии и недостаточной изученности средневековых источников она сохраняла значение как источник о «древнейшей истории» наций, формировавшихся в это время. Наряду с доминированием Античности в европейской культуре и образовании сохранится и пост-средневековое всемирно-историческое единство, которое позже распадется из-за появления концепций, ориентированных на историю отдельных народов.

Отметим несколько важных факторов, повлиявших на российское историописание Нового времени. Во-первых, политическое объединение русских земель, важный этап которого пришелся на правление Ивана III, потребовало создания общерусских исторических концепций. Во-вторых, при нем же было покончено с зависимостью от Орды и расширились внешнеполитические связи. Появилась потребность рассказать о себе другим странам, причем в понятных для них категориях, поэтому в формирование исторических нарративов на протяжении всего допетровского периода были активно вовлечены дипломатические чиновники: так, Посольский приказ XVII в. можно воспринимать как своеобразный культурный центр, где переводились иностранные и создавались русские исторические сочинения²⁶. В случае с западноевропейскими государствами диалог упрощали апелляции к античности. Однако степень осведомленности о ней и на этом этапе также не стоит переоценивать, хотя брак Ивана III с Софьей Палеолог, безусловно, способствовал лучшему знакомству с культурой Византии и ренессансной Италии. Так, ок. 1491 г. Дмитрием Герасимовым на русский язык была переведена *Ars grammatica* («Искусство грамматики») Элия Доната, использовавшаяся как пособие для обучения латинскому языку. Однако его знание было необходимо в первую очередь для решения практических вопросов – ведения полемики с еретиками и иноверцами и поддержания дипломатических контактов²⁷.

В русском историописании эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени прослеживаются две стратегии, с помощью которых можно было описать место Руси во всемирной истории; в них обеих так или иначе были задействованы сюжеты из истории древности. Первая стратегия – династическая, и ее можно считать результатом развития древнерусской исторической мысли. Ее разработка начинается с выстраивания в исторических сочинениях генеалогической связи между московскими князьями и Киевской Русью, которая очевидна сейчас, но в то время нуждалась в дополнительном проговаривании. Пример текста, в котором обосновывается происхождение Русского государства от Киевской Руси – внелетописная статья «А се князи русстии», наиболее ранний известный список которой датируется серединой XV в.²⁸ На следующем этапе будет проведена линия к античному и библейскому прошлому, к потомкам Ноя; хотя этот сюжет был известен, династических связей между древней историей и династией московских князей не устанавливалось. Так, в «Сказании о князьях Владимирских» (XVI в.) повествование идет от библейской истории к античной, через Александра Македонского и Птолемея к Августу, а от него к мифическому Прусу, среди потомков которого был Рюрик²⁹. Впервые в древнерусской литературе легенда о происхождении московских князей от брата Августа встречается в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы³⁰, и эта идея вскоре получает широкое распространение. К происхождению от Августа Иван Гроз-

²⁵ Репина, Зверева, Парамонова 2004: 97 и далее.

²⁶ Чернобаев 2022: 59.

²⁷ Любжин 2007: 12.

²⁸ Сиренов 2018: 60–62.

²⁹ Сказание 2000: 427.

³⁰ Сиренов 2018: 63.

ный апеллирует в переписке с Юханом III³¹. Теория о происхождении Рюриковичей от Августа надолго сохранит актуальность: так, еще в 1669 г. дьяк Федор Грибоедов (прапрадед автора «Горя от ума») обосновывал ее в «Истории о царях и великих князьях земли Русской». Однако отметим, что эту идею критиковали уже в 1670-е гг.³² С начала XVIII в. она начнет отмирать: одной из причин тому были участившиеся контакты со странами, где о таком происхождении правящей династии не слышали.

Другой подход к сведениям античных авторов можно условно назвать географическим. Он в большей степени сформировался под внешним влиянием. Античные названия «Скифия» и «Сарматия» издревле использовались в качестве географических обозначений. Так делали византийские авторы, и на Древней Руси эта традиция была отмечена еще в «Повести временных лет»³³. Эти названия использовались и на средневековых европейских картах: так, на основании сведений Клавдия Птолемея, северо-восток Евразии был поделен на Сарматию на западе и Скифию на востоке, и такое районирование сохранялось в исторических атласах и в начале XIX в.³⁴ На этом основании можно было попытаться поискать своих предков среди древних народов, описанных античными авторами. Такое направление развивалось в соседней Речи Посполитой, где происходили схожие с российскими общественно-политические процессы. В случае Речи Посполитой важную роль играла принадлежность к латинскому Западу и, как следствие, более быстрое знакомство с памятниками античной литературы, а также с ренессансными историческими и географическими сочинениями. Итогом этих поисков стало появление «сарматизма» – этногенетического мифа, согласно которому происхождение от сарматов приписывалось полякам, а в некоторых версиях – даже всем славянам. Впервые сарматы и поляки были сопоставлены в сочинении «Анналы, или хроники великих королей Польши» (1455–1480) Яна Длугоша. В сочинении Длугоша это отождествление обусловлено в первую очередь географически³⁵. По наблюдениям В. А. Якубского, исторические произведения, пронизанные идеей сарматизма, сочувственно воспринимались у других славянских народов в силу, во-первых, антизападного пафоса этой идеологии, и, во-вторых, поскольку «сарматизм» по своему выражал идею славянского единства³⁶. Идея общего происхождения от сарматов была направлена в том числе и на консолидацию славянского населения Речи Посполитой³⁷. «Сарматизм», впрочем, был довольно гибким сюжетом. Так, на фоне удачной войны с Московским царством выходит книга Матвея Меховского «Трактат о двух Сарматиях, Европейской и Азиатской» (1517). В нем используется деление Сарматии на Азиатскую и Европейскую, восходящее к Клавдию Птолемею, и формируется образ «Азиатской Сарматии» – Татарии. Жители Москвы и подвластных ей земель отождествляются со скифами, которых сарматы завоевали. Таким образом, для поляков апелляция к происхождению от сарматов имела значение и для претензий на территории, включаемые в Сарматию, а Русь, напротив, следовало представить в менее выгодном свете³⁸. Однако контакты между славянскими народами привели к тому,

³¹ Послания 1951: 347. К своему происхождению от Августа Иван IV вообще неоднократно апеллировал в своих дипломатических посланиях, см. подробный комментарий Я. С. Лурье (Послания 1951: 629–630).

³² В частности, на ее несерьезность указывал известный хорватский просветитель, живший в России, – Юрий Крижанич (см. Шапиро 1993: 135–138).

³³ «И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Бугу и по Днепру и возле Дуная. Было их множество: сидели по Бугу и по Днепру до самого моря, и сохранились города их и донныне; и греки называли их “Великая скиф”» (Повесть 1996: 146). О Скифии в историко-географической традиции Античности и Средневековья см. Подосинов. Джаксон, Коновалова 2016.

³⁴ Чекин 2015: 107.

³⁵ Васильев 2007: 194.

³⁶ Якубский 1987: 173.

³⁷ Васильев 2007: 194–195.

³⁸ Карнаухов 2007: 26.

что опыт польских историографических конструкций повлиял и на отечественную историографию, а наиболее «удачные» из них были заимствованы и адаптированы под российские реалии.

Подробное рассмотрение русского историописания в раннее Новое время далеко отстоит от целей этой книги, однако мы выделим наиболее распространившиеся в допетровское время идеи, которые повлияли на авторов последующих эпох. Они собраны в «Синописе» – первой печатной книге по русской истории. Ее также можно считать наиболее значимой исторической книгой для русскоязычного читателя XVII, XVIII, а для некоторых групп русского общества – и XIX в. Учитывая долгосрочное влияние «Синописа», неудивительно, что П. Н. Милюков начал «Главные течения русской исторической мысли» именно с него³⁹.

³⁹ Милюков 1898: 7–16.

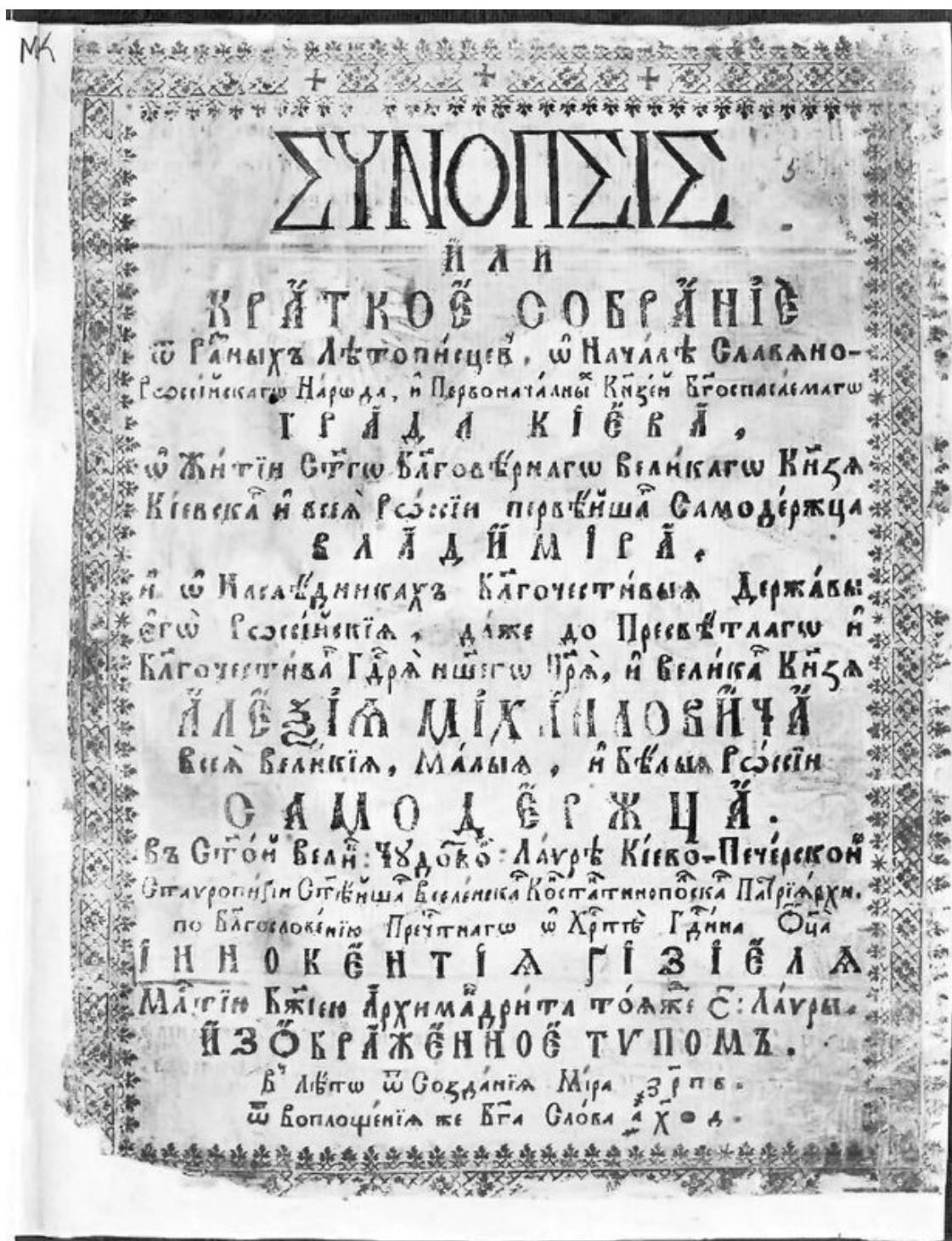

Рис. 1. Синопис. Издание 1674 г. Киев. Выходной лист

«Синопис» был составлен в Киеве в начале 1670-х гг., в эпоху фактической гражданской войны на Украине, которая сопровождалась перекрестными войнами Речи Посполитой, Крымского ханства и Московского царства. Авторство «Синописа» традиционно приписывается Иннокентию Гизелю – архимандриту Киево-Печерской лавры, который был сторонником объединения славянских земель под властью Москвы⁴⁰. Первое известное печатное изда-

⁴⁰ В литературе существует дискуссия о том, кем мог быть непосредственный автор «Синописа». В целом признано, что общественно-политические взгляды, изложенные в «Синописе», совпадают с известными нам взглядами Иннокентия Гизеля (Пештич 1958: 285). В связи с этим обоснованной выглядит точка зрения, согласно которой автором мог быть либо сам Гизель,

ние «Синописиса» датировано 1674 г. В XVII в. это произведение издавалось еще дважды, в 1678 и 1680 гг. Третье издание было дополнено сведениями о событиях 1670-х гг., а также испытало влияние историографической традиции северо-восточных русских земель: например, добавился фрагмент о Куликовской битве. Оно более явно иллюстрировало идею единства восточных славян. В этом виде «Синописис» переиздавался на протяжении всего XVIII в., а в последний раз – в 1861 г. По наблюдению А. А. Формозова, популярность этого произведения во много раз превышала научные и научно-популярные труды профессиональных историков⁴¹. Показателен следующий факт: несмотря на многократные (всего около 30 раз!)⁴² переиздания большими тиражами, этот текст распространялся и в списках, в основном среди представителей средних и низших сословий. Количество списков «Синописиса» так велико, что они с трудом поддаются учету⁴³. Этот феномен можно объяснить, с одной стороны, почтением к древности этого сочинения, а с другой – интересом к легендам о славном и очень древнем прошлом, которое приписывалось предкам⁴⁴. Идеи, высказанные в «Синописисе», привлекали внимание и ученых более позднего времени – В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, отчасти Н. М. Карамзина⁴⁵.

Основным сочинением, которым пользовался Гизель, была довольно нейтральная по характеру изложения «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» (1582) Мацея Стрыйковского⁴⁶. Как показывает анализ первых глав «Синописиса», посвященных локализации славянских народов в хронологических пределах древней истории, в них прослеживается четкий план: за исключением 3-й главы, в которой приводится рассказ о привилегии Александра Македонского славянам, в каждой главе дается некая этимология, описаны относящиеся к ней события, очерчено определенное географическое пространство⁴⁷. «Синописис» содержит как легенды, возникшие на русской почве, – о происхождении Рюриковичей от Августа, посещения Киева апостолом Андреем и т. д., так и западнославянские идеи о тождестве сарматов и славян, о победе славян над Александром Македонским и привилегии, которую они получили в результате⁴⁸, о якобы славянине Одоацере, завоевавшем Рим, – последняя легенда восходит к образу Одоакра, известного по сочинениям Иордана и Павла Диякона.

Особенно важна 7-я глава «Синописиса», посвященная роксоланам – одному из сарматских племен⁴⁹, название которых, по мнению составителя, произошло от «россов» и «аланов». Связь «россов» и «роксоланов» была заимствована составителем «Синописиса» из польской историографии: считается, что Матвей Меховский почерпнул это построение из сочинения *De Europa* Энея Сильвио Бартоломео Пикколомини, избранного в 1458 г. папой Пием II⁵⁰. В дальнейшем идеи о происхождении россов от роксоланов последовательнее всего будет придерживаться Ломоносов⁵¹; с ней же мы встретимся у некоторых авторов XIX и даже XX в.⁵²

либо близкий ему представитель киевского духовенства (Степанов 2023: 32–36).

⁴¹ Формозов 2012: 17–21.

⁴² Сапожников, Сапожникова 2006: 3.

⁴³ Самарин 2000: 141–142.

⁴⁴ Формозов 2012: 17–21.

⁴⁵ Штайндорфф 2018: 326; Степанов 2023: 128–129, 132.

⁴⁶ В некоторых случаях Гизель пользовался другими сочинениями, в частности, по наблюдениям М. Б. Сычевой, при описании Сарматии он использовал непосредственно «Хронику всего света» Марциана Бельского (Сычева 2009: 73–74).

⁴⁷ Штайндорфф 2018: 317.

⁴⁸ Самый ранний латинский текст «Грамоты Александра Великого...» содержится в сборнике выписок из чешских хроник; написание сборника датировано 10 января 1443 г. Первое печатное воспроизведение текста «Грамоты» сделано на чешском языке в «Чешской хронике» Вацлава Гайека (Мыльников 1998: 45–47).

⁴⁹ О названиях роксоланов в античных источниках и их расселении см. Тохтасьев 2005 (особ. 293–295).

⁵⁰ У Пикколомини, однако, они названы Rosanos. Такой народ у Страбона не упоминается, но как будто роксоланы – единственный этноним, с которым их можно идентифицировать (см. Piccolomini 1717: 115).

⁵¹ По наблюдениям С. В. Соколова, М. В. Ломоносов, освещая роксоланскую проблему, ссылается не на «Синописис», а

Таким образом, первые главы «Синописа» были компиляцией наиболее распространенных в то время легенд, которыми объяснялась «древнейшая история» славян вообще, а также восточных славян и русских в частности. Некоторые из этих легенд проникнут в более позднюю историографию.

В эпоху Петра I контакты с Западной Европой становятся более тесными, а знакомство с античными древностями – более тесным. При Петре в России появляются первые собрания античного искусства, античные статуи перестают считаться «погаными идолами», а их подражаниями украшается новая столица. По указу Петра была основана Академия наук, которая была наиболее распространенной в Западной Европе формой организации научной жизни. Важной составляющей деятельности Академии наук были экспедиции, целью которых было разностороннее изучение территории России; в результате таких экспедиций в перспективе произойдет знакомство и с отечественными памятниками Античности⁵³. При Петре исторические знания были востребованы законодательством, дипломатией, публицистикой. Осознается важность поиска исторических источников, формируются проекты изучения и написания истории России⁵⁴.

Если говорить об историческом образовании Петра, то историческими книгами его снабжали и Никита Зотов, его учитель, и его мать, царица Наталья Кирилловна: в частности, в 1683 г. из библиотеки царя Федора Алексеевича для него была взята упомянутая выше «Хроника» Мацея Стрыйковского⁵⁵. Петр интересовался древней историей⁵⁶, но к реконструкции «древнейшей истории» России он относился скептически, не планируя возвеличиваться за счет мнимых связей с античными древностями («далее деда князя Владимира правдивой истории не имеем»⁵⁷). Его больше интересовало написание современной ему российской истории, в которой бы прославлялось его царствование. С. Л. Пештич выделяет два типа исторических трудов, созданных при Петре I: общие сочинения по истории России и истории, посвященные петровскому царствованию и Северной войне⁵⁸. К первой категории можно отнести «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева и «Историю о владении российских великих князей вкратце» Ф. Поликарпова. «История...» Поликарпова была составлена по приказу самого Петра и охватывала события, начиная с Василия III. Она не была опубликована, поскольку не понравилась Петру; впрочем, ранние периоды она и не затрагивала. «Ядро российской истории» было написано А. И. Манкиевым в Швеции: он находился в плену и служил секретарем князя А. И. Хилкова, представителя Петра I при дворе Карла XII. Сочинение было составлено по инициативе Хилкова, под его именем оно и издавалось в силу ошибочной атрибуции Г. Ф. Миллера⁵⁹. С точки зрения Манкиева, русские и славяне произошли от «Мосоха Яфетоваича». Он пересказывает римский миф о Марсе, посетившем Рею Сильвию, и добавляет, что римляне, «от пастырей, от разбойников и беглецов в великую силу выросши, стыдились простого своего начатка», в то время как «наши русские, славяне и прочие народы сарматские не летают по поднебесию для произведения предков своих, но истинною свою добродетелью не от богов,

на другие источники (Соколов 2019: 370). Однако едва ли он мог не читать «Синописис», который, таким образом, не мог не повлиять на научные установки Ломоносова.

⁵² Подробно о «роксоланской теории» в российской историографии см. Соколов 2019.

⁵³ Тункина 2002б: 31.

⁵⁴ О проекте «Генеральная история и описание Российского государства» см. Свердлов 2011: 231–233.

⁵⁵ Чернобаев 2022: 75.

⁵⁶ Фролов 1999: 46.

⁵⁷ Цитата из рассказа Петра о начале кораблестроения в России, служащего предисловием к Морскому регламенту и принадлежащего, по всей видимости, самому Петру (Устрялов 1858: 397).

⁵⁸ Пештич 1960: 317–318.

⁵⁹ [Манкиев] 1784.

но от человека, явно начало свое производят»⁶⁰. Произошедший от Мосоха народ поселился в Сарматии и стал зваться по имени князя Русса – роксоланами; далее Манкиев приводит сведения об их расселении, почерпнутые у Страбона⁶¹. Логика, которой следует Манкиев, связана с традициями Нового времени и будет близка многим историкам XVIII в. (например, Татищеву⁶²): древние народы никуда не исчезают, они только меняют название.

Главной проблемой, разрабатываемой в русской историографии XVIII в., был начальный этап существования Российского государства – «точка отсчета» российской истории. Наиболее ярко это отразилось в известном споре между сторонниками и противниками «норманнской теории». Как известно, дискуссию спровоцировал текст диссертации (доклада) Г. Ф. Миллера «О происхождении народа и имени российского», написанный для торжественного заседания Академии в связи с годовщиной вступления императрицы Елизаветы Петровны на престол. Он вызвал протест со стороны М. В. Ломоносова и некоторых других членов Академии⁶³. Безусловно, вопрос о происхождении правящей династии в XVIII в. воспринимался как перво-степенно важный, однако известность эта дискуссия приобрела не в последнюю очередь из-за эмоциональности полемики и особенностей политической ситуации, в которой она началась. В контексте недавней Русско-шведской войны построения Миллера были встречены с обидой⁶⁴, что имело для Миллера неприятные последствия в виде разжалования на год из профессора в адъюнкты и сопутствующих материальных потерь. При освещении дискуссии русские «непрофессиональные» историки, В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов, часто противопоставляются этническим немцам – «профессиональным» историкам Г. З. Байеру и Г. Ф. Миллеру. Рассмотрим, однако, как эти авторы выстраивают связь между античными сюжетами и историей России.

Выражение «древнейшие времена», использованное для обозначения периода, который предшествовал возникновению Древней Руси, мы впервые встречаем в заглавии труда В. Н. Татищева «История Российская с самых древнейших времен» (1768). Труд был опубликован Г. Ф. Миллером уже после смерти Татищева, и именно Миллер дал такое название. Татищев начинал как военный и администратор, а к занятиям историей и географией его побудил Я. В. Брюс. Начиная с 1720-х гг. он собирал сведения по русской истории: в частности, он работал в шведских библиотеках во время служебной командировки⁶⁵. В предисловии Татищев описывает, почему необходимо составить российскую историю: «европейские историки нас за то порицают, что якобы мы истории древней не имели и о древности своей не знали»; более того, изучение истории России оказывается важной для всего ученого мира, поскольку она содержит «правильную» интерпретацию сведений античных авторов о народах, проживавших на территории России: например, «о прославившихся в здешних странах в древности народах, таких как амазоны, аланы, гуны, овары, кимбры и киммерийцы, также о всех скифах, сарматах и славянах, их роде, начале, древних жилищах и прохождениях, о славных в древности великих городах и областях исседонов, есседонов, аргипеев, команов и пр., где они были и как ныне зовутся, нисколько не знают, разве от истории русской изъясненной неоспоримую истину обрести могут»⁶⁶. Вопрос о происхождении славян Татищев решил в духе времени – он объединил сведения библейской истории, античных авторов и русских летописей. Апелляция к древним народам по-особому выглядит в свете этнолингвистических интересов Татищева. В ходе административной работы, связанной с организацией заводов на Урале и управлением

⁶⁰ [Манкиев] 1784: 8–9.

⁶¹ Там же: 10–11.

⁶² Степанов 1951: 164.

⁶³ См. более подробно Шанский 1996.

⁶⁴ Горский 2010: 23–24.

⁶⁵ Свердлов 2011: 452.

⁶⁶ Татищев 1994: 81.

башкирами, он познакомился с разнообразием народов, проживавших в Российской империи. Татищев предлагает собственную этнолингвистическую классификацию всех народностей и племен. Он выделяет славян, сарматов и скифов. Славяне не сразу получают имя «славяне», но только прославившись подвигами: «у посторонних, как выше показано, под именем скифов и сарматов со оными инородными чрез долго время заключались. Однако ж потом, как они почасче стали греков и римлян наездами навещать, то почали их собственные имена наружу выходить»⁶⁷. К потомкам сарматов он относит финно-угров (финнов, вотяков, вепсов и пр.). Потомками скифов он считал в основном монголо-тюркские народы (башкиров, каракалпаков, киргизов, татар и пр.)⁶⁸. Татищев скептически относился к некоторым сведениям предыдущей традиции: например, его уже не удовлетворяли построения, связанные с Мосохом⁶⁹. Не верит он и происхождению названия «Россия» от «роксоланов», замечая, что до царствования Ивана IV это название не употреблялось⁷⁰. Таким образом, для своего времени Татищев демонстрирует довольно высокий уровень критики источников.

М. В. Ломоносов занялся историей под впечатлением от не устроившего его содержательно сочинения Миллера, в котором «россияне», прежде всего «варяги-россы» лишались славного древнего прошлого. В сочинении «Древняя российская история» он также обратился к этногенезу восточных славян. Он видит предков славян в венедах и ищет родства с другими упомянутыми древними народами, в частности, алазонами: «Амазоны, или алазоны, славенский народ, по-гречески значат самохвалов; видно, что сие имя есть перевод славян, то есть славящихся, со славенского на греческий»⁷¹, алазоны, в свою очередь, родственны сарматам. «Варяги-россы» происходят от «россоланов» (роксоланов) античных авторов⁷². Последовательная картина «древнейшей истории» была также представлена Ломоносовым в книге «Краткий российский летописец». Согласно ей, амазоны и сарматы происходят от мидян, сарматы античных источников – это славяне, в то время как скифы – это чужь⁷³. По наблюдениям А. С. Мыльникова, в своих этногенетических построениях Ломоносов был склонен доверять традиционным представлениям, которые отвергались уже Татищевым; по мере занятия русской историей его подход к источникам становился все более критическим⁷⁴. В пользу справедливости этого суждения говорит история публикации «Древней российской истории» Ломоносова. Первый вариант этой книги был закончен Ломоносовым к середине 1758 г., тогда же были отпечатаны первые три листа книги. Однако в 1759 г. Ломоносов забрал рукопись из типографии, поскольку планировал дорабатывать и перерабатывать этот материал. В результате книга оказалась издана только после смерти Ломоносова. Примечательно, что найденные в РГАДА листы «Древней российской истории» 1758 г. принадлежали, скорее всего, Г. Ф. Миллеру⁷⁵. В целом и Татищев, и Ломоносов используют сведения античных авторов как источники о происхождении славян, которые к тому же делают «древнейшую историю» в полном смысле слова «древнейшей», а кроме того, позволяют показать место России в мировой истории.

Немецкие ученые, сторонники норманизма, изучали отдельные вопросы древнейшего прошлого, но не создали целостного описания российской истории (хотя и предлагали проекты исследований, которые высоко оценивают современные историки). Они пользуются репутацией профессиональных ученых, чьи выводы были более фундированными. Тем не менее

⁶⁷ Татищев 1994: 315.

⁶⁸ Степанов 1951: 164.

⁶⁹ Там же: 163.

⁷⁰ Татищев 1994: 288–289.

⁷¹ Ломоносов 1766: 16.

⁷² Там же: 48–50.

⁷³ Ломоносов 1760: 4–5.

⁷⁴ Мыльников 1991: 32–35.

⁷⁵ Самарин 1997: 44.

мы увидим, что для них, как и для Ломоносова, искать в древних народах предков современных было допустимо.

Г. З. Байер был в числе первых специалистов, приглашенных в Петербургскую Академию наук. Заключая в 1725 г. контракт с Академией наук, он избрал занятия древностью и восточные языки⁷⁶. В России Байер увлекся синологией, занимался исследованием монгольской и маньчжурской литературы. Среди очевидных препятствий при исследовании истории России для Байера были незнание русского языка и необходимость прибегать к помощи переводчиков. Зная древние языки, он, на основании нарративных источников, обратился к истории народов, живших на территории России в древности. Отдельные сочинения Байера были посвящены скифам, киммерийцам, гиперборейцам⁷⁷. Он широко использовал данные античной традиции в сочинении «Краткое описание случаев, касающихся Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу» (1734). Заслугой Байера считается знакомство читающей публики с новыми методами исторической науки, однако его занятия историей России означали разработку сведений античных авторов о народах, проживавших на ее территории.

Если говорить о «древнейшей истории» в научных построениях Миллера, то одним из наиболее критикуемых мест в его диссертации «О происхождении народа и имени российского...» был его отказ связывать происхождение россиян с упоминаемыми в Античности народами. Показателен фрагмент, посвященный роксоланам: «К доказательству происхождения Россиян от Роксолан не довольно одно имя сходство, не довольно и того, что в первых после рожества Христова веках Роксоланских народ в Российских жил пределах; надлежит паче то показать, как Роксоланское имя в Российское переменялось; утверждать надлежит достоверными из истории свидетельствами переселение Роксолан из южных мест к северу; и объяснить, какой народ Роксолане были и каким языком говорили»⁷⁸. Про Скифию и Сарматии Миллер справедливо утверждает, что они представляют собой географические наименования, и на этом основании нельзя полагать, что россияне произошли от скифов и сарматов⁷⁹. Однако в своих работах 1760–1770-х гг. Миллер начал сближаться в своих позициях с Ломоносовым: так, он признал, что предками варяжской руси были мигрировавшие к Балтийскому морю роксоланы, которых он, правда, считал готами⁸⁰. В сочинении «О народах, населявших Россию в древности» Миллер посвятил отдельные главы скифам, сарматам, гиперборейцам и другим народам, которые упоминают античные авторы. Завершая обзор сведений о скифах, он пишет: «Далин вывел начало шведской своей истории из скифской, что самое могли бы сделать и прочие от скифов произшедшие народы, если бы они столь далеко в древность заглянуть хотели; но нерадение в том было бы меньше всех для россиян простительно, для того, что столь многие скифские народы имели жительство свое в границах российских»⁸¹. Получается, что для Миллера доказательство происхождения современного ему населения России от скифов – вопрос времени и наличия соответствующего исследования. Он указывает на попытки исследователей других стран присвоить историю древних народов, например, гиперборейцев: «Если сие почитается за честь, то все климаты в России и наконец особливо лапландцы могут принять в том участие», правда, к идентификации гипербореев, амазонов, «людеядцев» (андрофагов) и прочих упомянутых Геродотом северных жителей Миллер относится критически, чего нельзя сказать, например, о готах, которые «суть самые славные скифские народы»⁸².

⁷⁶ Пекарский 1870: 188.

⁷⁷ Фролов 1999: 67.

⁷⁸ Миллер 2006: 34.

⁷⁹ Там же: 34–35.

⁸⁰ Соколов 2019: 367.

⁸¹ Миллер 1773: 3–4.

⁸² Там же: 7.

Таким образом, несмотря на отличия в позициях по «норманнскому вопросу», все стороны «норманнской дискуссии» спокойно относились к использованию сведений античных авторов для реконструкции «древнейшей истории» России. Они несколько различались степенью доверия к источникам, могли не соглашаться между собой по частным вопросам, однако для наличия более принципиальных расхождений требовались другие методологические установки.

Поворот, произошедший в методах гуманитарных исследований, станет особенно очевидным в начале XIX в. Исследователи уже отмечали бросающееся в глаза отличие «историй» XVIII в. и «Истории государства Российского...» Н. М. Карамзина. К причинам этого относят переход к «бездушному национализму»⁸³, характерному для историописания XIX в. В самом деле, «История...» Карамзина обладала патриотическим пафосом, но по этому критерию она не выдерживает сравнения с «историями» XIX в., а самого Карамзина сложно назвать «националистом» в том понимании, которое это слово приобретет в следующем столетии. В контексте нашей темы важно подчеркнуть другое: между российской исторической наукой начала и конца XVIII в. – колоссальная разница; преувеличения и модернизация постепенно уходят (хотя определенная литературность и пафос остаются), а продолжавшееся на протяжении этого века изучение летописей, лингвистических, археологических и этнографических памятников существенно повышает требования к историческим реконструкциям⁸⁴. С этой точки зрения определение А. С. Пушкина «первый наш историк и последний летописец» как нельзя лучше характеризует положение Карамзина между двумя эпохами в историографии.

«История...» Карамзина начинается с главы, посвященной истории народов России в древности. Она написана на основании нарративных, хотя и многочисленных источников⁸⁵, – это неудивительно, поскольку систематические раскопки на территории Северного Причерноморья были еще впереди⁸⁶. Карамзин использовал доступные ему сведения Гомера, Геродота, Диодора Сицилийского, Плиния, Страбона и других авторов для создания картины, предшествовавшей заселению Восточно-Европейской равнины славянами: сначала мифические сведения о догреческом населении Причерноморья, затем краткое описание греческой колонизации, местных кочевых народов (прежде всего скифов), Боспорского царства и этнической истории начала новой эры, предшествующей Великому переселению народов. Заканчивается первая глава расселением славян в ходе Великого переселения народов. Обозначено, хотя и очень кратко, римское присутствие в регионе. Это описание следует считать первым наиболее приближенным к научному в современном понимании: Карамзин задействует широкий круг античных и раннесредневековых авторов, достаточно аккуратно обращаясь с их сведениями. Пользуется он и исследованиями по истории Античности: в числе прочих он цитирует «Историю упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона. По всей видимости, Карамзин нередко ориентировался на структуру работы Гиббона и используемые им приемы⁸⁷. Некоторые предположения Карамзин, очевидно, делал сам: так, он предполагает родство киммерийцев и кимвров, а геродотовскому свидетельству о грифах, стерегущих золото (Нер. IV. 13: 27), он пытается найти рациональное объяснение: «Сии баснословные грифы кажутся отчасти

⁸³ Маловичко 2020: 119–120.

⁸⁴ Лачаева 2004: 191.

⁸⁵ «Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками. Только в повествованиях Греков и Римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве» (Карамзин 1842: 1).

⁸⁶ Первичное обследование памятников и любительские раскопки, конечно, велись уже в XVIII в. Однако нужное впечатление на общество и правительство произвело случайно открытие склепа в кургане Куль-Оба (см. Фролов 1999: 133).

⁸⁷ О влиянии на Карамзина англо-шотландской историографии см. Рудковская 2004.

исторической истиною, и заставляют думать, что драгоценные рудники южной Сибири были издревле знаемы»⁸⁸

⁸⁸ Карамзин 1842: 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.